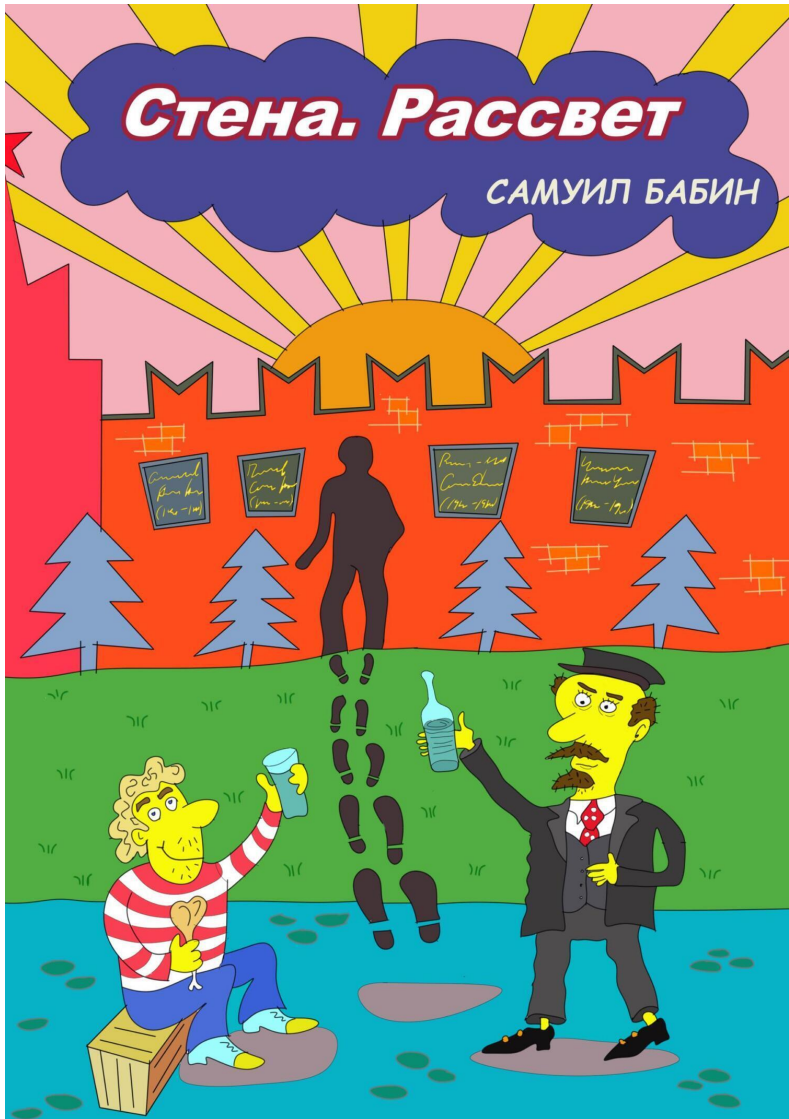

Стена. Рассвет

САМУИЛ БАБИН

Самуил Бабин

Стена. Рассвет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70447597

SelfPub; 2024

Аннотация

Герои повествования – Ильич, он фотографируется с туристами в образе вождя и его племянник. Они, однажды спрятавшись за елочками возле некрополя у Стены на Главной площади, распивают купленный в магазине напиток Рассвет и перед ними неожиданно открывается таинственные его свойства. Если выпивая, чуть пролить его на место погребения, можно на время воскресить человека или же наоборот, самим переместиться в его время. Герои решают продолжить эксперимент и в силу внешних обстоятельств перемещаются в прошлое, где Ильича принимают за настоящего. И как оказалось потом, можно было повернуть колесо истории, но этот напиток у них закончился и исчез из розничной торговли. И осталось только ждать, прихода следующей партии. Повествование не совсем точно отражает ход исторических событиях ...

Самуил Бабин

Стена. Рассвет

Вечерело. На лавочке в Алексеевском саду, сидел мужчина с усами, небольшой клиновидной бородкой, в кепке шести клинке на голове и нетерпеливо поглядывая по сторонам. Он был очень похож на уже на давно почившего вождя мирового пролетариата. Проходившие мимо люди, это в основном гости столицы, приехавшие ознакомиться с достопримечательностями дворцового комплекса, с любопытством поглядывали на него.

– Ну, где же он, – вскинув руку, посмотрел на часы человек в кепке, – Через пять минут перестанут отпускать спиртное.

В это время в конце аллеи появился молодой белобрысый парень, в широких штанах и полосатой ковбойке. Он быстрым шагом подошел к нервному товарищу с бородкой и плюхнулся рядом на скамейку:

– Все нормально, Ильич, – широко улыбнулся парень и чуть вытащив из глубокого кармана бутылку водки, спрятал ее обратно.

– Чего так, долго, Митя, – раздраженно спросил первый. –

– Очередь большая. Там экскурсионный автобус подъехал с туристами. И они все в магаз рванули, как будто едой затапаться приехали.

– А на закусь, что взял, – уже доброжелательным тоном

спросил Ильич.

– Вот, колбаски краковской триста грамм, как ты любишь, – парень, вытащил из другого кармана, небольшой сверток в жирных пятнах.

– Нормально, – одобрительно кивнул Ильич. – Сдачу оставь себе.

– Куда пойдем, – покрутил по сторонам головой Митя. – В пельменную нас больше со своим не пустят. А погода сегодня хорошая, на природе бы где расположиться. Только куда здесь сунешься, на каждом углу постовые и камеры видеонаблюдения.

– На природе говоришь, – сощурившись, хитро посмотрел на него Ильич. – Знаю я здесь одно укромное местечко, недалеко. Не зря три года вожем пролетариата с туристами фотографируюсь на Главной площади. – Ильич встал, отклеил усы и бородку, сунул их к карман жилетки и чуть прихрамывая направился к выходу из сада.

Они вышли через распахнутые кованые ворот и свернув, стали подниматься по неширокому проходу к Главной площади. Слева по ходу располагалось старинное здание собора с готическими шпилями, а справа тянулась высокая, красная стена Большого Дворца, с выступающими вперед наблюдательными башенками похожими на шахматные ладьи. Проход был отделен от стены аккуратно подстриженным газоном, вдоль которого были высажены в два ряда невысокие, метра по три, голубые ели. В самом конце подъема, где уже

начинал полностью открывался вид на Главную площадь, Ильич остановился и дождавшись, когда мимо пройдет группа иностранных туристов, сделал знак рукой в сторону елочек, – «Нам сюда. Быстро за мной». Они юркнули в небольшой просвет в ряду елок и оказались по другую сторону зеленого ограждения.

– Тут недавно одну засохшую елку срубили, а новую так и не посадили. Так, что теперь нас со стороны площади никто не увидит, проверено. Мы тут с Иваном Грозным его день рождения отмечали, – удовлетворенно потер руки Ильич.

– С кем, – удивленно спросил Митя.

– Петя Соколов, он в костюме царя на площади с туристами фоткается. Нормальный кстати мужик, раньше секретарем райкома работал. Ладно пойдем дальше, там впереди есть местечко, где можно спокойно устроить пикничок. Вернемся тем же способом.

Они прошли еще метров двести и тут стали появляться человеческие бюсты, установленные на высоких постаментах вдоль стены.

–А это чего такое, – остановился Митя, удивленно разглядывая бюст из черного камня, судя по всему, военного с чуть свисающими вниз усами и острой клиновидной бородкой и надетой на голову военной фуражкой со звездой.

–Не знаешь, что ли?

Митя отрицательно потряс головой.

–Чему вас в школе учился, – ухмыльнулся Ильич. –Здесь

все бывшие руководители партии и правительства лежат. Маршалы. А кто званием поменьше, тех в стену замуровали. Там в основном космонавты, академики, – Ильич подошел к стене, где была прикручена черная металлическая табличка с высеченными золотыми буквами и прочитал вслух, – Космонавт Журбаев. Дважды герой. Я честно из всех, кто здесь нашел последний приют, только космонавтов уважаю.

– Так, это что, кладбище, – испуганно вжал голову в плечи Митя.

– Чем тебе здесь не нравится? На природе же сам хотел. А тут еще памятники. Лучшего места нигде не найдешь. Сейчас, подожди, – Ильич, чуть приподняв ветви елки и пригнувшись вытащил деревянный ящик из-под овощей, – И столик наш, проверенный на месте. Давай, сегодня Журбаев у нас третьим будет.

Он поставил ящик на землю под табличкой космонавта, – Ну, чего встал. Доставай продукты, отметим окончание рабочей недели.

Митя все также с опаской оглядываясь по сторонам вытащил из кармана бутылку, развернул сверток колбасы и положив его на ящик, перочинным ножиком нарезал большими кусками,

– Наливай полную. «Это космонавту», — протянул ему прозрачный пластиковый стаканчик Ильич.

Митя отвинтил пробку и налил в него водки.

– За покорителей космоса, – Ильич отвел руку и медлен-

но наклоняя стаканчик, вылил все содержимое на стену, под табличкой Журбаева.

– Ты, чего делаешь, Ильич. Это же водка, – изумленно захлопал глазами Митя.

– Первая рюмка, это его. Так положено здесь. А теперь мне наливай. Тоже полную.

Ильич выпил медленными глотками, несколько раз втянул носом воздух, вернул стаканчик Мите, – Хорошая водка, не паленая. Теперь себе.

Они выпили еще по одной.

– Ну, как тебе здесь, – с аппетитом пережевывая колбасу спросил Ильич.

– Да, как-то не очень, – пожал плечами Митя. – Как на кладбище.

– Зато на свежем воздухе и в безопасности. Лучшего места не найдешь, – Ильич вытянул голову и посмотрел на часы на башне, – Давай наливай. У них через пятнадцать минут смена караула. Тут дежурные будут шастать, проверять.

Они выпили, и Митя покрутил головой по сторонам: «А тут отлить можно?»

– Выбирай любую понравившуюся елочку.

Они отошли немного в сторону и стали лицами к елочкам.

– Ну, что допиваем и..., – Ильич повернулся и недоговорив застыл с не застёгнутым ремнем в руках. Рядом с ящиком, у стены стоял мужчина среднего роста в черном костюме. Он с непонимающим видом оглядывался по сторонам.

– Здравствуйте, – застегнув ремень, Ильич приветливо улыбнулся и кивнул головой незнакомцу.

Тот, вздрогнув от неожиданности и посмотрел в сторону Ильича и испуганно выглядывающего из-за его спины Митю.

– Мы тут работаем с товарищем на площади. Вот зашли перекусить в тенок, – непринуждённым тоном продолжил Ильич, – А вы кто?

– Я? – Незнакомец задумчиво потер ладонью лоб и неуверенно произнес, – Я космонавт Журбаев.

– Журбаев, – Ильич подошел ближе, внимательно рассматривая лицо незнакомца, – А как вы здесь оказались?

– Не знаю, – пожал плечами незнакомец, – Последнее, что помню, лечу в спускательном аппарате. Вдруг какой-то удар, хлопок и дальше темнота.

– Митя, – Ильич оглянулся назад, – У нас водка еще осталась?

– Немного совсем, ты же целый стакан вылил, – ответил Митя, продолжая стоять в удалении.

– Налей товарищу. Ему сейчас надо.

Митя осторожно подошел к ящику. Вылил в стаканчик остатки водки и протянул мужчине.

– Выпейте. «Это вас должно взбодрить», —уверенным тоном произнес Ильич.

Незнакомец осторожно взял стаканчик и поднеся ко рту, не морщась выпил.

– Ну, что полегчало, – Ильич наклонился к ящику и взяв

кусочек колбасы, протянул ее мужчине, – Закусите.

– Космонавты после первой не закусывают, – тот отрицательно покачал головой в ответ.

– Больше у нас выпить, к сожалению, нет, – развел руками Ильич и в это время раздался бой курантов на дворцовой башне. – Нам срочно надо уходить. Митя забирай все и прячь ящик.

– А с космонавтом, что делать?

– С космонавтом, – немного задумался Ильич, – С нами пойдет. У меня дома полбутылки есть. Там нам все подробнее и расскажет.

И они, подхватив незнакомца под локти, быстро стали пробираться назад.

Ильич, жил в спальном районе, застроенном однотипными панельными пятиэтажками, в двухкомнатной, малогабаритной квартире. Митя, его двоюродный племянник, приехал три месяца назад в столицу и устроился работать доставщиком еды, а Ильич выделил ему дальнюю комнатку с раскладушкой, а сам расположился в первой, проходной, на старенькой кушетке. Еще здесь была совсем крохотная кухня, за столом которой могли с трудом разместиться три человека и совмещенный санузел с душем со сливом в полу, закрывающейся от унитаза шторкой. Вот сюда, уже ближе к полуночи и приехала вся компания. Незнакомец, будем называть его теперь космонавт, покорно следовал за ними, молча, ис-

подлюбья, глядя по сторонам. Ильич не стал грузить его вопросами в дороге, а когда они зашли в квартиру, предложил принять душ, на что тот также безропотно согласился. Пока он мылся, Митя стал готовить ужин, поджаривая на сковородке несколько яиц с остатками краковской колбасы, а Ильич стал перебирать книги, которые за отсутствием шкафа, лежали у него стопками вдоль стен, на полу.

– Вот нашел, – радостно воскликнул он, заходя на кухню, держа в руках увесистый книжный том.

– Что это, – оглянулся через плечо Митя.

– История отечественной космонавтики.

Ильич, сел за стол, надел очки и положив книгу перед собой, стал перелистывать страницы и через некоторое время радостно воскликнул, подняв раскрытую книгу и повернув ее Мите: «Это точно он».

– Кто он, – Митя выключил плиту и подошел к столу.

– Космонавт Журбаев. Смотри, одно лицо. Этот наш, который в душе и этот на фотографии перед стартом ракеты на космодроме.

Митя пригнулся, рассматривая фотографию и неуверенно произнес:

– Вроде похож. Но у этого на фотографии щеки побольше.

– Правильно. Это он перед стартом. А наш, после трех месяцев работы на орбите. Конечно похудел.

– И что там про него пишут, – Митя с интересом глядя на Ильича, присел на табуретку.

– Сейчас. – Ильич снова положил перед собой книгу и поведив пальцем стал читать вслух: «Космонавт испытатель, дважды герой страны Журбаев, совершил три многомесячных полета на космической станции. Погиб при приземлении спускаемого аппарата в шестьдесят восьмом году.»

– Как такое может быть. Сейчас только двадцать первый год, – недоверчиво ухмыльнулся Митя.

– Это в прошлом веке было, Емеля, – покачал головой Ильич и закрыл книгу.

В это время дверь ванной приоткрылась и из-за нее выглянула голова космонавта: «Я помылся. А вы не могли бы принести мои вещи?»

– Сейчас. – Ильич заложил страницу книги и отложив ее в сторону, вышел из кухни.

Вернувшись, он протянул космонавту белый махровый халат:

– Наденьте его. В нем будет удобнее. И заходите на кухню, ужин готов. Митя накрывай на стол.

– Ты же водку обещал, – Митя поставил сковородку на середину стола.

– Ах, да, – Ильич снова ушел в комнату и вернулся с наполовину отпитой бутылкой. – Хлеба нарежь. В пакете на подоконнике лежит.

– Ну, за покорителей космоса, – поднял стопку Ильич, когда все расселись за столом.

– Очень вкусно. «Давно такого не ел», — Первый раз за все

время произнес Журбаев, подцепляя на вилку второй кусок колбасы.

– Митя у нас кулинарное училище закончил. Профи, – Ильич разлил остатки водки, – Ну, за благополучное возвращение на землю.

Они выпили и по примеру Ильича, кусочками хлеба стали подбирать жир со сковородки.

– Так вы не помните, как оказались у дворцовой стены, – спросил Ильич после того, как Митя убрал все со стола.

– Не помню, – пожал плечами космонавт.

– Я сейчас вам напомню. – Ильич открыл книгу на закладке и развернув, подвинул к космонавту, – Посмотрите на фото этого человека. Он вам никого не напоминает?

– Да. Это мое фото перед стартом. В шестьдесят восьмом году.

– А теперь прочитайте, что там написано внизу.

Космонавт несколько раз молча перечитал текст, потом закрыл книгу, взглянул на обложку и прочитал вслух, «История отечественной космонавтики».

– Что думаете по этому поводу, – немного подождав, спросил Ильич.

– Получается, что в спускаемом аппарате одновременно не сработала автоматическая система торможения и оповещение об этом, – задумчиво ответил космонавт. – Простите, а вы не нальете мне воды. В горле, что-то пересохло.

Митя взял кружку с полки над раковиной и налив воды

из-под крана, протянул ее космонавту.

– Спасибо, – Журбаев жадно выпил и обтер губы рукой.

– А если бы сработало оповещение, можно было избежать аварии, – Ильич вопросительно посмотрел на космонавта.

– Да, конечно. Я бы сразу перевел спуск в режим аварийной посадки и тогда включились бы двигатели принудительного торможения, – спокойно и рассудительно, ответил Журбаев.

– Искренне жаль, – сочувственно вздохнул Ильич. – С этим можно сказать разобрались. А вот как вы, через пятьдесят с лишним лет, оказались там у стены, остается загадкой. – Ильич сделал паузу и добавил, – Вы знаете, что мы сейчас живем в третьем десятилетие двадцать первого века?

– Я понял, когда мы ехали в метро, что это другое время, – кивнул Журбаев, – Люди одеты совсем по-другому и вагоны метро необычные. Но как я тут оказался, если меня давно нет.

– Я знаю. «Это называется реинкарнацией», – со знанием дела произнес Митя. – Когда человек из прошлого попадает в бедующее.

Ильич с Журбаевым молча посмотрели на него.

– Если не верите. Можно в интернете погуглить, – Митя вытащил из кармана телефон, – Хотите?

– Нет, на сегодня хватит, – остановил его Ильич. – Отложим изучение вопроса до утра. А теперь спать.

Космонавту они постелили на Митиной раскладушке. Тот

сразу уснул. Ильич лег на кушетку, а Митя расположился на полу, подстелив зимнее пальто Ильича с каракулевым воротником и все время ворочался.

– А может это галлюцинации у нас с тобой Ильич, – повернувшись к кушетке, задумчиво произнес Митя, – Но водка вроде не паленая была. Ты сам говорил. Да и выпили всего ничего. Зря ты целый стакан на стену вылил.

– Стоп, – Ильич свесил голову с кушетки, – А где та пустая бутылка?

– В карман я ее сунул, когда убегали. А тебе зачем пустая?

– Не знаю пока. Но есть у меня одна версия. Ладно. Спим. Спокойной ночи.

– Ильич, Ильич, – раздался истошный крик Мити.

– Ты, чего орешь, – Ильич открыл глаза. Над ним склонился Митя, тряся его за плечо.

– Что случилось, – протер глаза Ильич. – Проспали что ли? Который час?

– Шесть часов. Там это, – Митя указал рукой в сторону прохода во вторую комнату. – Космонавта нет.

– Как нет, – Ильич быстро спустил ноги на пол. – Может в туалет вышел.

– Нет. Нигде его нет. Исчез вместе с одеждой.

Они осторожно прошли в другую комнату. Раскладушка, на которой спал Журбаев была аккуратно заправлена. А на стуле, где раньше висел его костюм, лежал белый банный ха-

лат Ильича.

– Я в тубзик встал, – шепотом начал рассказывать Митя, – Возвращаюсь, дай думаю загляну в его комнату. А тут никого. Слушай, а может все-таки водка была паленая, – он с надеждой заглянул в глаза Ильичу.

– Где бутылка?

– Сейчас, – Митя вышел из комнаты и вернулся, держа в одной руке пустую бутылку, а в другой свои штаны, – Вот.

Ильич осторожно понюхал горлышко и внимательно стал изучать этикетку:

– Принеси мне очки с кухни. Мелко написано тут. Не разбираю.

Митя сбегал за очками.

– ООО «Рассвет», – прочитал Ильич.

– Что такое рассвет, – не понял Митя.

– Производитель водки.

– И что это значит?

– Ты где ее покупал?

– Где всегда. В Кривоштанном переулке. Недалеко от площади.

– Одевайся, едем в магаз, – Ильич протянул бутылку Мите, – Бутылку возьмем с собой для сравнения.

– Ты, чего, еще только шесть часов утра. А спиртное с одиннадцати продавать начинают. Да и мне на работу надо сегодня к восьми.

– Да, – почесал голову Ильич, – Ну, тогда часик еще мож-

но повалиться. Ты можешь на свою раскладушку перебраться.

– Не, – замахал руками Митя, – Я уж теперь на полу лучше буду спать. Мало ли чего.

Ильич вышел из метро на улицу со стареньки потертым портфельчиком в руке, куда он положил пустую бутылку. До начала продажи спиртного оставалось чуть больше часа. Он вытащил из кармана усы с бородкой и рассматривая свое отражение в стеклянной витрине, аккуратно приклеил их на лицо. Людей еще было немного. Основная масса туристов начнет подъезжать к полудню. Перед проходом к площади, в костюмах стрельцов, с палашами в руках, стояли покуривая два парня.

– Доброе утро коллеги, – подошел к ним Ильич, поздоровавшись за руку с обоими. – Что, наших больше никого нет?

– Грозный приболел, – ухмыльнувшись, щелкнул пальцем по горлу один из стрельцов, – Дня через три теперь появится, не раньше. Сталины с утра в очередной раз подрались. Их полиция забрала.

– Все никак не могут поделить территорию, – уточнил второй. – А ты чего Ильич с портфелем. На съезд партии собрался что ли.

– Сюда удобней деньги складывать, – подмигнув, махнул портфельчиком Ильич.

В это время к ним подошли две молодые девчушки.

– С вами можно сфотографироваться, – одна из них достала телефон.

– Групповое фото сто рублей. Одиночное пятьдесят, – назвал цену один из стрельцов.

– Дедушка, а вы могли нас с подружкой сфотографировать, – протянула телефон Ильичу девушка. – Вот сюда надо нажать.

Ильич взял телефон, и зажав портфельчик под мышкой, отошел вперед, а девчушки хихикая, встали между стрельцами.

– Еще один, контрольный. А то, кажется, я моргнула, – помахала ручкой девушка.

Ильич сделал фото и вернул телефон.

В течении получаса к ним подошло еще несколько человек фотографироваться. Но все выбирали стрельцов.

– Зря ты портфель взял, Ильич. Ты на школьного учителя больше похож, чем на вождя. Не узнают тебя, – пошутил стрелец.

– Ладно, пойду я прогуляюсь. Рано еще. Мой контингент позже подтянется, – ответил Ильич и не спеша пошел в сторону магазина.

К магазину, который располагался в жилом доме со стороны улицы, он подошел как раз в одиннадцать часов. К входной стеклянной двери, изнутри, был приклеен скотчем лист бумаги, на котором фломастером было написано «Требуется грузчик. Работа сдельная».

Ильич потянул на себя дверь, звякнул колокольчик, и он вошел внутрь. Это был совсем небольшой магазинчик, за прилавком которого стояла крупная дама в белом переднике, отпускавшая товар старушке с сумкой на колесиках. Больше из посетителей никого не было. Дождавшись, когда старушка наконец сложит все продукты в сумку и направится к выходу, Ильич открыл портфель и вытащив бутылку, протянул ее продавщице: У вас такая водка еще есть? Мне именно такая нужна.

– Сейчас посмотрю. – Продавщица бросила ленивый взгляд на этикетку, вышла в полутемное подсобное помещения и вернувшись, поставила на прилавок бутылку точно с такой же этикеткой, – Что-то еще?

– Разрешите я посмотрю поближе, – Ильич достал из кармана очки и взяв бутылку поднес ее к лицу. – Это не она.

– Чего, -нахмурилась продавщица. –Смотрите на этикетку. Одна и таже водка.

– Нет. Эта, которую мой товарищ вчера у вас покупал была ООО «Рассвет», а эта ваша, какой-то Салют. Вы не могли бы мне Рассвет найти.

– Мужчина, не морочьте мне голову. У меня вся подсобка забита товаром. Грузчик третий день на работу не выходит. Так, водку брать будете?

– Нет, спасибо. Эту не буду, – виновато посмотрел на нее Ильич, пряча в портфель пустую бутылку и отходя от прилавка.

– Ишь какие разборчивые пошли, рассвет им подавай, – ехидно бросила вслед продавщица.

Ильич вышел из магазина и оглянулся на дверь. «Требуется грузчик», – еще раз перечитал он вывеску и стал шарить по карманам рукой. Вытащив телефон, он набрал номер Мити: «Але, привет это я. Слушай, я в магазине был. Там этой водки нет. Точнее сказать есть, но продавщица искать ее не хочет. А им срочно требуется грузчик. Нет, нет. На один день. Там в подсобке надо товар расставить. Заодно может и рассвет найдешь. Что? Когда сможешь освободиться. К двум часам? К трем подъедешь. Хорошо. Встретимся перед входом на площадь. Давай, жду»

– Фу, -облегченно выдохнул Ильич и убрав телефон, пошел в сторону площади.

День сегодня точно не заладился у Ильича. До приезда Мити, с ним сфотографировались всего три раза. Обычно к этому времени набиралось десять, пятнадцать желающих, а в дни бывших советских праздников, он мог заработать и до трех тысяч.

Митя приехал, как и обещал в три часа.

– Ящики будешь переставлять, проверяй на этикетке, чтобы точно изготовитель Рассвет был. И отдельно их отставляй, – инструктировал Ильич.

– Мы, что всю рассветовскую водку покупать будем, – удивился Митя.

Ильич вытащил из нагрудного кармана деньги и пересчитав, с грустным выражением лица протянул ему: У меня только шестьсот рублей. Сегодня почти не заработал ничего. Больше нет.

– На две бутылки хватит. Но без колбасы, – прикинул в уме Митя, пряча деньги. – Мне же за работу должны заплатить, добавлю если что.

– Вот возьми, – Ильич протянул ему портфель, – Сюда все сложишь.

– А если не найду рассвет?

– Бери Салют, – обреченно махнул рукой Ильич. – Домой тогда вечером поедем сегодня.

Митя ушел, а Ильич еще с час безрезультатно походив перед входом, решил пойти на площадь и попробовать найти клиентов возле саркофага, в котором хранилась оболочка тела настоящего вождя. Вообще то территория, где им разрешено было фотографироваться, это участок перед старинным готическим собором с острыми шпилями, за которым и находилась Главная площадь. С площади их чаще всего прогоняли дежурившие там полицейские переодетые в гражданское. Но иногда попадались и такие, которые закрывали на это глаза. Здесь ему то же не повезло, он еще издалека увидел двух самых вредных, расхаживающих как раз перед саркофагом и Ильич, развернувшись, вернулся на пяточок перед собором. Коллеги- стрельцы теперь расположились под навесом уличного кафе и пили кофе из бумажных стаканчиков,

заедаая аппетитными бургерами. Ильич с утра кроме стакана чая ничего не ел и направился было в кафе, но вспомнив, что все деньги отдал Мите, стал медленно обходить небольшие группы туристов, предлагая сфотографироваться. За два часа ему удалось заработать сто пятьдесят рублей. Этого как раз хватало на большой стакан кофе и купив его, он пошел в Алексеевский сад, и отклеив усы и бородку, расположился в тенечке на скамейке, посмотрел на наручные часы. Было половина седьмого. «Надо позвонить Мите», – подумал он и достал телефон.

– Да, Ильич, – раздался бодрый Митин голос.

– Как дела.

– Почти закончил. Скоро освобожусь.

–Что с рассветом?

– Всего две и нашел. Как заказывал. В остальных ящиках только Салют.

–Молодец. Поздравляю с блестяще проведенной операцией.

– Мне за работу, продавщица обещала пятьсот р заплатить. Может еще парочку Салюта взять?

–Митя, зачем нам столько, – простонал Ильич, – Колбаски лучше возьми и хлебушка бородинского.

– Слушаюсь, шеф. Через полчаса буду у тебя.

– Жду, в Алексеевском саду, на нашей скамейке, – Ильич отключил телефон и с облегчением произнес, – Хоть с этим сегодня повезло.

Митя пришел, как и обещал через полчаса, поставив на скамейку рядом с Ильичом сильно распухший портфельчик.

– Мне продавщица еще половину копченой курочки дала в виде премии и пачку вяленых бананов, – расстегнув портфельчик, Митя продемонстрировал содержимое. – Колбаску и половинку бородинского я купил.

– Какой аромат, – пригнувшись к портфельчику, втянул носом воздух Ильич. – Слушай, а давай ка мы твою курочку здесь и съедем. К стене нам еще идти рано. Надо подождать, чтобы немного стемнело.

– Может и водочки немного, – разламывая пополам курицу, с энтузиазмом предложил Митя.

– Ты, чего. Знаешь же ведь, что ту видеокамеры везде понатыканы, – облизывая куриную ножку, ответил Ильич и протянул ему бумажный стаканчик, – У меня кофе остался. Допивай.

Когда стало смеркаться они вышли через ворота из сада на небольшую площадь перед готическим собором, отделявшим ее от Главной. Ильич остановился и огляделся по сторонам. Справа тянулись павильоны, торгующие сувенирами и быстрой едой.

– Зачем нам с портфелем лазить под елочками. Оставим лучше его в надежном месте. Иди за мной. – Они подошли к одному из сувенирных киосков и Ильич заглянув в окошко окликнул продавца, сидевшего в глубине: Вахтанг, привет.

Ты на месте?

– Здравствуй, дорогой Ильич, – с обратной стороны появилось улыбающееся лицо брюнета с густыми черными усами. – Что ты там стоишь, заходи, гостем будешь.

Они через боковую дверцу прошли внутрь киоска. Ильич с Вахтангом дружески обнялись.

– А это мой племянник, Митя, – представил Ильич, – На заработки приехал. У меня живет во второй комнате.

– Значит на моей раскладушке спит. Дай, я тебя обниму, брат, – Вахтанг крепко притянул Митю к себе. – Я у Ильича, на этой раскладушке три месяца жил, когда меня женщина из квартиры выставила и пока другую не нашел.

– Раскладушку, – не понял Митя.

– Женщину с квартирой, – рассмеялся Вахтанг, – Год назад расписались.

– Я у тебя хотел до завтра, портфельчик оставить свой. Не возражаешь, – Ильич поставил портфель на полку у стены.

– Оставляй конечно. Ничего не пропадет, не волнуйся.

Ильич, открыл портфельчик и вытащив бутылку водки и посмотрел вопросительно на Вахтанга:

– Может по пятьдесят грамм за встречу? Или тебе нельзя на рабочем месте.

– Выпить с друзьями, всегда можно и нужно, – Вахтанг нагнул под прилавок и достал серебристый поднос, на котором стоял чайник, три небольших стеклянных стаканчиками, пиала с изюмом и поставил его на стул. – Как будто

специально дорогих гостей ждал.

Ильич отвинтил пробку и разлил водку.

– За друзей, – поднял свой стаканчик Вахтанг, – Чтобы у них в жизни все было хорошо.

Они, чокнувшись выпили и Вахтанг, налил в стаканчики из чайника еще теплый чай, пододвинул пиалу с изюмом: Кушайте, кушайте.

– Слушай, Вахтанг, – подошел к витрине с сувенирами Ильич, – У тебя, кажется, фляжка продавалась, металлическая.

– Есть фляжки, – Вахтанг нагнулся и вытащил из-под прилавка две плоские фляжки с отчеканенными узорами. – Выбери любую?

– Тут мы с Митей, собрались на кораблике по Кваскверке покататься. Бутылка слишком заметной будет, – Ильич осмотрел фляжки и выбрал побольше, – Вот эта сколько стоит?

– Зачем, ты так Ильич. Ты мне столько хорошего сделал. Это подарок. Не возьмешь обижусь, – категорически замахал руками Вахтанг.

– Спасибо, дорогой, – Ильич протянул фляжку Мити, – Наполни сосуд.

Митя аккуратно перелил часть водки во фляжку и показал бутылку: Тут, еще осталось, может тогда допьем?

– Мне хватит. Еще два часа работать. – отказался Вахтанг. – Вы с собой лучше забирайте. На кораблике прохлад-

но вечером. Будете фляжку пополнять.

Ильич спрятал фляжку во внутренний карман пиджака и они с Митей, взяв с собой упаковку вяленых бананов и пластиковый стаканчик, распрощались с Вахтангом, вышли на улицу.

– Достаточно стемнело, – посмотрел на небо Ильич. – Можно идти в елочки.

Сегодня вечером почему-то много туристических групп шло на площадь и им не сразу удалось уйти незамеченными в елочки. Наконец, выбрав момент, когда никого не было они благополучно, тем же способом, пробрались через проран.

– У нас мало времени осталось, – подойдя к месту у стены, где предположительно находилась табличка космонавта Журбаева, посмотрел на часы Ильич, – Скоро смена караула и сюда могут прийти дежурные. – Он достал из кармана пластиковый стаканчик и протянул Мити, – Налей-ка немного из бутылки.

– А чего ты вообще хочешь, Ильич, – Митя отвинтил пробку и плеснул немного в стаканчик.

– Хочу попробовать вернуть космонавта в наше время. Что-то мне подсказывает, все дело здесь в магических свойствах водки Рассвет, – Ильич сделала шаг вперед и плеснул из стаканчика на стену под табличкой.

Прошло немного времени.

– Никого, – вполголоса произнес Митя. – Слушай, он, кажется, появился после того, как мы с тобой то же выпили.

Может и нам стоит накатить?

– Наливай. Ты первый пей.

– А теперь твоя очередь, – Митя выпил и наполнив стаканчик, вернул его Ильичу, – Ты кажется еще какой-то тост вчера произносил.

– Точно. «За покорителей космоса», — произнес Ильич и приподняв стаканчик, выпил.

Прошло минут пять, но никто так и не появился.

– А может это не та табличка, – задумчиво произнес Митя.

– У тебя же фонарик есть на телефоне. Подсвети.

Митя включил фонарик и направив его яркий луч на табличку.

– Я плохо вижу. Ты прочитай, – приказал Ильич.

– Космонавт-испытатель, – стал медленно читать Митя, – генерал-полковник Журбаев.

– Почему генерал-полковник, – удивленно прервал его Ильич, – Он тогда, в шестьдесят восьмом, когда разбился, просто полковником был.

– Тут дата другая стоит, – Митя вплотную подошел к стене, продолжая светить фонариком, – Его в девяносто первом не стало.

–Е-с-с! – вскинул руку, сжатую в кулак, Ильич, – Значит водка рассвет сработала и он, узнав вчера от нас, что произошло, снова вернулся в шестьдесят восьмой, когда действие водки закончилось и успел включить аварийное торможение.

– Чего-то я ничего не понимаю, – начал было Митя, но

тут чуть сзади из темноты раздался строгий голос, – Это кто там говорит? Петя ты, что ли?

– Т-с-с-с, приложил палец к губам Ильич, – Прячь телефон. Уходим тихо.

Но в это время с той стороны откуда раздался голос над их головами прошел мощного луч света от фонаря.

– Бежим, – Ильич схватил за руку Митю, и они стали пробираться вдоль елочек к спасительному проходу.

– Стоять, – раздался сзади все тот же строгий голос и тут Ильич неожиданно споткнулся и схватившись за Митю рухнул вниз, увлекая его за собой. Они упали на гранитное покрытие перед высоким пьедесталом с бюстом наверху. Раздался звон разбитого стекла и виноватый голос Мити: «Блин, бутылку разбили. А там еще водка оставалась».

– Они где-то здесь, – совсем рядом раздался все тот же голос преследовавший их и луч от фонаря остановившись на бюсте памятника, под которым они лежали.

Ильич успел разглядеть бюст. Это был тот самый в офицерской фуражке со звездой и клиновидной бородкой. Луч фонаря пополз вниз по пьедесталу.

– Вот они, здесь голубчика, -раздался сверху злорадный голос.

Ильич сжался, закрывая лицо руками от яркого света, бьющего в глаза, и вдруг почувствовал, что стал быстро проваливаться куда-то вниз.

—И долго мы так будем лежать, — раздался другой, чуть насмешливый голос сверху и Ильич осторожно убрал ладонь с лица.

Небо над головой было теперь почему-то по дневному голубое, с небольшими кучевыми облаками. Над ним стояли двое военных в зеленых гимнастерках старого образца, перетянутые портупелями, в синих фуражках с красными околышами. Ильич скосил глаза вправо. Митя крепко спал лежа на спине, негромко посапывая и чему-то улыбаясь во сне.

— Давай, вставай, — строже произнес один из военных, слегка пнув Ильича вбок носком, начищенного до блеска сапога,

— Да, да товарищ, встаю. — Ильич с трудом поднялся на ноги и с удивлением огляделся по сторонам. Они находили все там же, у красной дворцовой стены. Только вокруг не было ни елочек, ни бюстов, а земля была покрыта пожухлой травой, с проплешинами.

Слева по площади, в обе стороны проезжали многочисленные груженные конный подводы, между которыми сновали старомодно одетые люди. Иногда сигналиа клаксонами и поднимая пыль, проносились какие-то ретро автомобили.

— Чего застыл. И дружка своего поднимай, — приказал военный.

— Митя, вставай, — Ильич нагнулся и потянул его за руку, — Нас тут товарищи ждут.

— А, — Митя открыл глаза и зевая приподнялся и сонными

глазами посмотрел сначала на Ильича, потом на военных, — А, где это мы?

— Пить надо меньше, — ухмыльнулся военный, — Тем более вблизи государственных объектов. — Он посмотрел на Ильича, — Давай, поднимай своего дружка, пойдём в отделение, протокол составлять будем.

— Молчи. Не задавай никаких вопросов, делай что они приказывают, — наклонившись, прошептал Ильич Мите на ухо, помогая ему подняться.

— А теперь вперед, шагом марш, — скомандовал военный

— А куда идти товарищ... — Ильич хотел обратиться к нему по званию. Но у того не было погон, а вместо них к петлицам гимнастерки были пришиты какие-то два зеленых треугольника. — Товарищ майор, — на всякий случай закончил Ильич.

— До, майора мне еще как медному котелку служить, — рассмеялся военный, — Что дорогу забыл в отделение?

— Честно, мы первый раз здесь, — виновато ответил Ильич.

— Петя, иди впереди, — приказал военный напарнику, — А вы следом, по одному. Руки за спину.

Так, гуськом они перешли площадь, обходя многочисленные кучи конского навоза, при этом шедший впереди военный, взмахом руки останавливал едущие подводы. Пройдя еще немного по Микитской улице, они подошли к небольшому двухэтажному зданию, где находилась Пельменная и куда Ильич с Митей иногда заходили распить бутылочку. Теперь же, здесь вместо вывески Пельменная, к стене возле

дверей была прикручена красная табличка «2-е отделение рабоче-крестьянской народной милиции».

– Проходите, – шедший впереди милиционер, открыл дверь пропуская остальных.

Помещение внутри по размеру было точно такое же как в пельменной, только без столиков для посетителей. Справа, где раньше находилась стойка раздачи, сейчас стояла невысокая перегородка, с другой стороны которой, дремал за столом, скрестив руки на груди, одетый в такую же форму милиционер, только с тремя треугольниками в петлицах. На столе перед ним лежал потрепанный, открытый журнал для регистраций, а чуть в стороне стояла табличка Дежурный и большой черный телефон. У противоположной стены, на длинную скамейку, сидели по разным сторонам два бородатых мужика, с виду похожих на приказчиков. Один был совсем босой, а второй в яловых сапогах со спущенными гармошкой голенищами. В центре сидела женщина с закрученной колбаской косой на голове, в длинном цветастом сарафане. Мужики хмуро смотрели в пол. У босого под глазом наливался пунцово свежий синяк.

– Сесть там, – указал Ильичу с Митей рукой на лавку второй милиционер, а сам подойдя к перегородке, по-военному скомандовал: Рота подъем!

– Чего орешь, – приоткрыв один глаз, лениво произнес дежурный.

– Вот доставили двух рецидивистов. У красной стены взя-

ли тепленькими.

– И чего там они делали, – лениво зевнул дежурный.

– Что, что. Водку пьянствовали и уснули на месте преступления. – Милиционер оглянулся на лавку и удивленно произнес, – О, Манька, привет. Давно ты у нас не появлялась. Что снова на самогонование попалась?

– Не гоню я самогон давно. Штрафы уж больно большие, товарищ начальник. Не окупается, – хитро ответила женщина.

– А на чем тогда погорела?

– Ни на чем. Я как потерпевшая сторона.

– А кто виновная?

– Вот этот, – она бросила злобный взгляд на мужика в сапогах.

– Я женится на ней пришел, – не поднимая голову, произнес мужик в сапогах глухим голосом. – А она дверь заперла и не открывает. Дверь хлипкая, я плечом нажал, она и вылетела. Захожу в комнату, а они там за столом сидят и вино красное пьют. Как такое стерпеть было?

– А кто тебе сказал, что я согласная была за тебя замуж выходить, – подскочила с лавки Манька, гневно дыша.

– Села, Маня, – прикрикнул на нее милиционер, – А дальше, что было?

– Что, что. Он в драку полез. А я окно открыла и кричать стала, – «Помогите убивают». И тут как раз ментовский наряд проходил.

– Милицейский, – строго поправил ее дежурный.

– Вот я и говорю. Милицейский. Они и забрали его. А мы с Петей, – она, улыбнувшись посмотрела на босого мужика, – Теперь потерпевшее сторона. Я заявление написала. Ваш начальник сейчас в кабинете изучает его.

В это время из дверного проема, где раньше находилась кухня, вышел крупный мужчина в синем кителе, без фуражки, с прямоугольниками в петлицах, держа в руке испитый листок бумаги. Оба милиционера козырнули ему, – «Здравия желаем товарищ начальник», а дежурный встал из-за стола, подтягивая гимнастерку.

– Значит так, Маня, – начальник обвел глазами присутствующих и остановил взгляд на женщине. Та тут же встала и невинно улыбнулась, поправила косу на голове: Что решили, Петр Петрович.

– Драчуну, я пятнадцать суток выписал. А тебя предупреждаю, хорош мужиков к себе домой таскать. Если узнаю, что ты снова проституцией заниматься стала, – он погрозил ей пальцем, – Знаешь, сейчас за это дело можно и срок схлопотать.

–А чего сразу проституцией, – надула губки Маня, – А если я по любви. Что и по любви нельзя?

–Я все сказал, – Начальник перевел взгляд на дежурного, – Вызови воронок. Пусть отвезут драчуна в каталажку, а ты Козлов, проводишь, – он протянул листок милиционеру с двумя треугольниками в петлицах.

–Слушаюсь, – козырнул тот. – Мы еще тут двоих нарушителей доставили. У дворцовой стены ночью пьянствовали, там мы их утром спящими и обнаружили.

–Где они, – начальник обвел взглядом сидящих на лавке.

– А ну встали, – скомандовал второй милиционер и подойдя к Ильичу с Митей и взяв их за шиворот, подвел к начальнику.

– Что, другого места не нашли, – нахмурился начальник.

–Так мы не знали, что там нельзя. Мы не местные. «Мы только вчера с племянником из Запрудска приехали», – произнес Ильич, виновато заглядывая в лицо начальнику.

– Козлов, а вещи их, где, – разглядывая Ильича с Митей, спросил начальник.

– Не было у них никаких вещей. Только рядом разбитая бутылка валялась.

– Украли у нас все вещи в поезде, – вздохнул грустно Ильич.

– А у этого, белобрысого, что-то в правом кармане штанов лежит. Вон как оттопырился, – ткнул пальцем в сторону Мити начальник. – Проверь-ка Козлов.

– Сейчас, – милиционер сунул руку в Митин карман и вытащив упаковку вяленых бананов, протянул их начальнику.

– Что это, – не беря руками, начальник брезгливо посмотрев на упаковку.

–Да, это вяленые бананы, товарищ начальник, – беспечно произнес Митя. – Отличная закуска. В смысле десерт. Мо-

жете попробовать.

– Бананы, – начальник все же взял упаковку в руки и понюхов, стал внимательно рассматривать этикетку. – Тут по не нашему написано.

– Конечно. У нас они не растут. Так это эквадорские бананы, – заулыбался в ответ Митя.

– Откуда у вас эквадорские бананы, – начальник подозрительно посмотрел на Митю.

– Из Эквадора привезли, – растерялся Митя.

– Кто привез, – резко произнес начальник, продолжая бурить взглядом Митю.

– Я не знаю кто, – растерянно пожал плечами Митя.

Начальник выразительно посмотрел на Козлова.

– Что делать будем с ними, – спросил Козлов. – Может то же в кутузку?

– Нет, Козлов, – отрицательно покачал головой начальник, – А что, если они эквадорские шпионы. Нет. Пусть ими ЧВК занимается.

– Товарищ начальник, автомобиль приехал, – доложил дежурный.

– Вот и отлично. Значит так, Козлов. Забирай своих вместе с драчуном, заедешь и сдашь их в ЧВК вместе с бананами. А я пойду, позвоню их шефу. Введу в курс дела, – Начальник сунул упаковку Козлову и быстро вышел.

– Петя, бери драчуна, а эти со мной, – Козлов крепко взяв под руки Ильича с Митей и повел к выходу.

– Маня, а ты что тут делаешь, – вытянув голову из-за перегородки дежурный, разглядывая целующихся в углу Маню с босоногим мужиком. – Сейчас же покиньте помещение.

– Уходим уже. – Маня встала и поправив сарафан, протянула руку босоному мужику, – Пошли, Васенька. Ты у меня свои сапожки оставил.

У тротуара, перед входом в отделение стоял черного цвета легковой автомобиль- фургон. Водитель, то же милиционер, увидев их, вышел и открыл створки задних дверей.

– Петя, ты садись с шофером, а я с задержанными сзади, – приказал милиционер с двумя треугольниками и подтолкнул в спину драчуна, – Давай, полезай. Слева на скамейку садись. А вы шпионы, справа.

– Куда нас везут, – Митя вплотную придвинулся к Ильичу.

– Я откуда знаю.

– Отставить разговорчики, – оборвал их милиционер, залезая в фургон и закрыв дверцу, крикнул через решётчатое окошко. – Трогай.

Минут через сорок, покрутив по городским улицам, автомобиль остановился, и милиционер, сидевший в кабине, вышел и открыв дверцу, скомандовал, – Драчун на выход.

Тот прыгнул на асфальт и милиционер, взяв его под руку куда-то увел.

– Товарищ начальник, я так и не понял, а мы то, что нарушили и куда вы нас везете, – вежливо спросил Ильич.

– Вами специальные органы будут теперь заниматься. Честно, не завидую я вам, – Милиционер достал из кармана пачку папирос и протянул ее Ильичу, – Курить будешь?

– Спасибо, я не курю.

– Советую сразу во всем сознаться, – чиркнув спичкой, закурил милиционер, чуть приоткрыв дверцу. – Кто вы. С какой шпионской целью прибыли из Эквадора. На какие разведки еще работаете.

– Да, никакие мы не шпионы. «Да и в Эквадоре никогда не были», —с пылом воскликнул Ильич.

– А бананы тогда эти у вас откуда? У нас такие не продаются, точно, – подмигнул ему милиционер. – У меня сосед по коммуналке служит в ЧВК. Рассказывал, что каждый день им шпионов пачками привозят, то немецких, то английских. А на прошлой неделе даже японского задержали. За бурята сначала себя выдавал, но потом во всем сознался и все подписал. Там умеют выбивать нужные показания. А у вас тем более еще и бананы эти. Неоспоримая улика.

В это время к машине вернулся второй милиционер и заглянул в фургон: «Все сдал. Запирай дверцы, поехали».

Все остальное время они проехали молча. Наконец машина притормозила.

–Пойду, сообщу что привезли, – показалось из-за решетчатого окна лицо второго милиционера.

– Ильич. Я так и не понял, что он тебе про шпионов рассказывал и при чем здесь мы, – тихо спросил Митя, постукав

рукой Ильича по коленке.

– Говорил же я тебе Митя, помалкивай, – сквозь зубы процедил Ильич. Зачем про бананы ты им стал рассказывать. Надо была сказать, не знаю, что это, нашел. Но теперь уже поздно, не отыгрывать.

В это время дверцы открылись.

– Выходим, – объявил милиционер, вылезая из фургона.

Первым к дверцам подошел Митя и выглянул наружу. На тротуаре, рядом с милиционером стояли двое в черных кожаных тужурках, перетянутые в поясе портупьями с пистолетными кобурами.

– Ну, чего ты застыл, вылезай, – поманил его пальцем один из кожаных.

– Здравствуйте, – заулыбался в ответ Митя, спрыгивая на дорогу. Следом за ним, опустив голову вниз спустился Ильич и кожаные тут же крепко взяли их под руки.

– И вот еще вещдок, чуть не забыл, – милиционер протянул упаковку бананов, – У белобрысого в кармане штанов нашли.

Когда машина отъехала, кожаные, развернули их лицом к красивому зданию в стиле модерн, у входа в которое дежурил солдат в зеленой гимнастерке с винтовкой в руке. Солдат свободной рукой, потянул на себя массивную створку, открывая перед ними дверь.

– К Петерсу, на допрос привезли, – кожаный, державший Митю протянул удостоверение сидящему за столом у входа

в просторный вестибюль, военному, без знаков различия, в синей фуражке с малиновым околышем. Тот открыл конторский журнал, лежащий перед ним, и записав что-то, кивнул: Проходите.

Они все также парами, поднялись по широкой мраморной лестнице на второй этаж и пройдя по длинному коридору остановились перед резной дубовой дверью, у которой, как и у входа в здание стоял солдат с винтовкой.

– К Петерсу привезли, – кивнул на дверь кожаный.

– Он планерку сейчас проводит с комсостав в красном уголке. Скоро должен освободиться, – ответил охранник, открывая дверь: – А вы проходите, подождите в кабинете.

Они вошли в просторный кабинет, без окон, облицованный от пола до потолка темными, деревянными панелями. Кабинет был ярко освещен шести рожковой хрустальной люстрой, висящей под потолком. В глубине кабинета стоял массивный стол под зеленым сукном, а за ним, на стене, висела большая черно-белая фотография в рамке, человека в офицерской фуражке со звездой и клиновидной бородкой. Кожаные подвели и поставили Митю с Ильичом напротив стола.

– Чего-то Вась, у меня в животе сильно крутит, – раздался из-за спины голос одно из кожаных. – Это похоже от пирожков с грибами, которые мы у уличной торговки конфисковали.

– Не у тебя одного, – натужено ответил второй, – В сортир

надо срочно бежать. Он здесь, в конце коридора.

Скрипнула дверь, и кто-то из кожаных произнес: Так, бо-ец. Дверь держи открытой и присматривай за этими. А мы быстро до ветру сходим.

– Смотри Ильич, а этот на портрете один в один на тот бюст у стены похож, под которым мы лежали, – тихо произнес Митя, после того как звуки шагов стихли. – Чего бы это значило?

– Ничего хорошего, но у меня кажется есть идея, – В это время из коридора донеслись приближающиеся звуки шагов и раздался чей-то мужской голос с явным балтийским акцентом: Почему дверь нараспашку, солдат?

– Там к вам арестованных привели на допрос, товарищ Петерс. А сопровождающие до ветру побегли. Меня караулить поставили, – испуганно ответил солдатик.

– До какого еще ветру?

– В клозет в то бишь.

– Я им потом такой ветер устрою, – со злостью произнес балтиец, входя в кабинет и повелительно скомандовал:

– Лицом ко мне встали.

Митя быстро развернулся, а Ильич продолжал стоять как стоял.

– Эй ты, в кепке, глухой что ли?

Ильич медленно снял кепку, положил ее на стол и повернувшись, вытащил из бокового кармана усы с бородкой и аккуратно приклеив их к лицу, с прищуром смотря на Петерса:

– Здравствуйте, товарищ Петерс, давненько мы не встречались. – Произнес он, слегка картавя, привычным голосом вождя. – Настоящие усы и бороду пришлось сбрить для конспирации. Но не беда, они у меня быстренько отрастут.

Вошедший открыл рот, пытаясь что-то произнести в ответ, но слова почему-то не вылетали из него.

– Дмитрий, – Ильич бросил взгляд на Митю, – Там графин с водой на столе стоит. Налейте пожалуйста, товарищу Петерсу.

Митя повернулся к столу и налив воды в стакан, протянул его продолжавшему стоять в оцепенении Петерсу.

– Выпейте, товарищ, Петерс. Это вам поможет.

Петерс взял стакан и жадно выпил большими глотками.

– Ну, а сейчас вы можете говорить?

Товарищ Петерс, откашлялся в кулак, прочищая горло и виновато улыбаясь, покивал:

– Извините, товарищ Ильич. Могу. Спасибо большое за воду. Не ожидал вас здесь увидеть.

– А где вы меня ожидали увидеть, – Ильич провел рукой по залысине.

– Вас же на длительное лечение в санатории на Воробьиных горах отправили, – чуть заикаясь ответил Петерс, нервно растягивая верхнюю пуговицу зеленой, армейской гимнастерки. – В тяжёлом состоянии. Так меня проинформировали из Дворца.

– Неправильно вас проинформировали, – Ильич не спе-

ша обошёл вокруг Петерса и остановившись пристально посмотрел ему в лицо, – Болезнь у меня совсем левая была, старый геморрой воспалился. А они меня там стали какими-то лекарствами пичкать. Но, меня, старого подпольщика не проведешь. – И он, хитро улыбнувшись погрозил пальцем в лицо Петерсу, – Я все эти лекарства незаметно в клозет спускал и план побега разрабатывать начал. И вот, благодаря Дмитрию, мне вчера это удалось. Он, там садовником работал. – Ильич скрестил руки на груди и после небольшой паузы, покачавшись с пяток на носки, спросил, – Что вы думаете по этому поводу, товарищ Петерс?

– Я ничего пока не думаю, – помотал головой Петерс.

– А я думаю, что это спланированная акция была. Кто-то там, во Дворце, хотел меня изолировать от народа.

– Разберемся, товарищ Ильич, – вытянулся по-военному Петерс, – Все причастные будут изобличены и арестованы. Прямо сейчас прикажете выполнять?

– Не торопитесь, голубчик. Мне самому надо еще кое-что разузнать, – Ильич аккуратно отклеил усы и бородку и спрятал их в карман, – Это в целях конспирации. Пусть пока об этом кроме нас никто не знает.

– А с этими, которые вас привезли, что прикажете сделать? Может ликвидировать?

– Ну, что у вас сразу крайние меры, – осуждающе произнес Ильич. – Преданные люди нам сейчас очень нужны. Видите сколько скрытых врагов революции вокруг. Отправьте

их куда-нибудь в командировку на пару дней, пока я все детали моей изоляции не проясню. А потом, сразу начнем нашу операцию. Назовем ее коротко «Ликвидация».

– Отличное название, – просиял Петерс.

В это время в дверь постучались и из-за приоткрывшейся створки, показалось лицо одного из кожаных: Разрешите, товарищ Петерс.

– Подождите в коридоре. Я вызову, – рявкнул тот и дверь тут же закрылась.

– А, я бы хотел вернуться на Главную площадь и понаблюдать со стороны, как будут сейчас, после моего побега, вести себя проживающие там товарищи.

– Я вызову свой, автомобиль и вас отвезут куда скажите. – Петерс снял трубку большого черного телефона и коротко приказал – Мою машину к подъезду. Срочно. С охраной.

– Ни надо никакой охраны, – замахал руками Ильич, – Мы же договорились. Никто кроме нас пока ничего не должен знать.

– Охрану отставить, – Петерс положил трубку и преданно посмотрел на Ильича, – Машина будет через пять минут.

– Прекрасно, прекрасно, – улыбнувшись, покивал головой Ильич, осматривая кабинет. – Товарищ Петерс, а почему у вас здесь нет ни одного окна. Как-то уж очень мрачновато мне кажется.

– Это специальное помещение для допросов, товарищ Ильич. Так в спецслужбах всех страна устроено, – Петерс,

подошел к стене и постучав кулаком по деревянной панели, с гордостью произнес, – А у нас еще к тому же, повышенная шумоизоляция здесь.

В это время на столе зазвонил телефон и Петерс снял трубку. «Спускаюсь», – ответил он. – Машина у подъезда, товарищ Ильич. Я вас провожу.

– Спасибо, товарищ Петерс. Я в вас никогда не сомневался.

Они вышли из кабинета. Двое в кожанках стояли в коридоре прислонившись к стене и тут же вытянулись, отдавая честь.

– Вольно, – махнул им рукой Петерс, – Подождите меня здесь. Я товарищей провожу и вернусь.

– У них же наши бананы остались, – вспомнил вдруг Митя.

– Что еще за бананы, – остановился Петерс.

– Это из Южной Америки мне товарищи по третьему интернационалу передали, а Наденька мне их в больницу привезла, – непринуждённо произнес Ильич.

– Так. Вернули чужие бананы, – Петерс строго посмотрел на кожаных.

– Откуда мы знали. Нам сказали, что это как вещдоки, – один из кожаных вытащил упаковку и протянул ее Мите.

У подъезда их ждал большой черный лимузин – кабриолет с открытым верхом.

– Подними тент, – приказал Петерс шоферу, помогая

Ильичу забраться на задние сидение.

– Как только у меня сложится общая картина заговора, я вас оповещу, – пожал ему руку Ильич. – Напомните мне ваш номер телефона.

– Пятьдесят два, девяносто два. – Это мой прямой. А еще дежурного.

– Нам больше никто не нужен. Трогай, товарищ. – Ильич хлопнул рукой по плечу шофера, – У Главной площади нас высадишь.

– Снова ты Митя со своими банами вылез, – стал отчитывать его Ильич, когда машина отъехала. – Зачем они тебе нужны?

– Сам не знаю. Автоматически вырвалось, – виновато ответил Митя.

Недалеко от Главной площади Ильич приказал шоферу остановиться: Дальше мы сами, пешочком дойдем.

– Похоже Ильич, мы в прошлое время попали, – разглядывая едущие по площади конные повозки и ретроавтомобили, задумчиво произнес Митя, – И как нам теперь вернуться назад? В смысле вперед.

– Наконец то дошло, – ухмыльнулся Ильич. А водка Рассвет нам на что? – И он похлопал ладонью по груди, где во внутреннем кармане пиджака лежала фляжка. – Теперь только нам надо найти место, где стоял тот бюст в фуражке со звездой. А это не простая задача.

– Вообще не проблема. Там осколки бутылки должны остаться. – Митя снисходительно посмотрел на Ильича.

– Голова! – одобрительно похлопал его по плечу Ильич, – Тогда идем на поиски осколков.

Они обошли площадь и обогнув готический собор вышли к дворцовой стене и не спеша пошли вдоль нее. Задача найти осколки оказалась не такой уж и простой. Вокруг, в пожухлой траве валялось много разного мусора. Битый кирпич, консервные банки, сломанные колеса от телег, ветки деревьев и даже целые бревна.

– Да, давненько здесь не проводили коммунистический субботник, – Ильич поднял очередную разбитую бутылку и отбросил ее в сторону, – Снова не наша.

– Это должно быть где-то здесь, – Митя прошел чуть вперед и остановился, оглядываясь по сторонам. – Вот она, – радостно крикнул он, поднимая с земли осколки бутылки с обрывком этикетки.

– Дайка, посмотрю. – Ильич стал и внимательно рассматривать этикетку. – Вроде похожа, но оторвано, кто изготовитель.

– А вот и недостающая часть, – Митя нагнулся и поднял, лежащие чуть в стороне осколок со второй половиной этикетки, – Наша, ООО Рассвет!

– Значит мы с тобой лежали здесь, – Ильич, отмерил два шага в сторону стены, – А бюст должен был стоять здесь.

– Похоже там, – согласился Митя.

– Ну, что тогда попробуем вернуться в наше время. Стань рядом со мной, – Ильич вытащил из кармана фляжку и отвинтив пробку вылил тонкой струйкой немного водки на землю вокруг них. – Что-то не действует. – Вопросительно посмотрел он на Митю.

– Так нам тоже надо принять. Забыл, что ли. – Митя взял у него фляжку и отхлебнув, вернул обратно, – Давай. Твоя очередь.

Ильич сделал небольшой глоток. И только успел убрать фляжку в карман, как небо над ними стало быстро темнеть, а уличные звуки затихать.

– Ложимся, – скомандовал Ильич и зажмурившись упал на землю.

Они пролежали в абсолютной тишине минут пять. И тут в отдалении, раздался чей-то голос: «Пошли в караулку, Серега, чайку попьем. Нет там никого. Я все елочки обшарил. Померещилось тебе».

– Кажется мы вернулись, Митя, – дождавшись, когда голоса совсем стихнут, приподнял голову Ильич.

– И елочки и бюст, всё на месте. Хорошая все-таки водка. Рассвет, – засмеялся в ответ Митя.

– Тихо, ты, – одернул его Ильич. – Радоваться будешь дома. Нам еще выбраться отсюда надо незамеченными. Вставай. Уходим.

После всех этих перемещений во времени у Ильича обост-

рился радикулит и он, обмотав поясницу шарфом из собачьей шерсти, два следующих дня провалялся дома на тахте перед телевизором. На третий день поясницу немного отпустило. Было воскресенье. Значит сегодня будет много туристов, и он решил, часам к пяти, когда жара спадет, поехать на площадь. Митя уехал еще утром. Ему позвонила продавщица из магазина. Поступила новая партия товара, а ее грузчик так и не появился.

Расчет Ильича оказался правильным. Как раз к этому времени приехало несколько автобусов с китайскими туристами, которые больше всего любили фотографироваться с вождем пролетариата. К Ильичу даже выстроилась небольшая очередь из китайцев. Он за два часа, сделал хорошие сборы и позвонил Мите, договорившись через полчаса встретиться на своей лавочке в Алексеевском саду. По дороге он заглянул в палатку к Вахтангу забрать портфель.

– Что-то ты два дня не появлялся, – открывая дверь и пропуская Ильича внутрь палатки, спросил Вахтанг.

– Радикулит снова прихватил, – потер рукой поясницу Ильич.

– Вай, – огорченно покачал головой Вахтанг, – Я тебе одну мазь принесу специальную. Сразу боль снимает.

– Спасибо, дорогой. – Ильич взял портфельчик, – Пойду я Вахтанг, меня в саду Митя ждет.

– Слушай Ильич, тут такая история произошла, Позавчера проверяющие приходили – чуть замялся, Вахтанг, подби-

рая слова, – В общем надо было их мне как-то умаслить. Я же знал, что у тебя в портфеле лежало. Ну, и пришлось их угостить.

– Как угостить, – растерянно посмотрел на него Ильич.

– Да не переживай, ты, – расплылся в улыбке Вахтанг, – Я на следующий же день сходил в магазин купил тебе взамен хороший коньяк и палку сырокопченой колбасы. Ты посмотри, посмотри.

Ильич поставил портфельчик на стул и расстегнув замок, заглянув внутрь и перевел расстроенный взгляд на Вахтанга.

– Тебе что, не нравится коньяк, – теперь в свою очередь растерялся Вахтанг, – Хочешь, я прямо сейчас в магазин пойду и самую лучшую водку тебе куплю?

– Не надо мне самую лучшую, – вздохнул Ильич, – Ладно, пойду я, не переживай, – и он, застегнув портфельчик, вышел из ларька.

Митя уже сидел на лавочке с пакетом в руках.

– Снова премировали копченой курочкой, – он потряс пакетом

– И вялеными бананами, – Ильич присел рядом, поставив на колени портфельчик.

– Не, от бананов я отказался, – хохотнул Митя, – А ты чего какой-то хмурый? Плохо фотографировались?

– Наоборот хорошо. Вахтанг нашу водку проверяющим отдал. А вместо нее коньяк купил, – Ильич расстегнул портфельчик, демонстрируя содержимое. – А ты проверял сего-

дня ящики с водкой?

– Проверял. Снова один Салют. Ну что, может курочку здесь съедем, – он открыл пакет и поставил на лавку.

– Аппетитно пахнет, – сглотнул слюну Ильич.

Митя отломил от курицы бедро и протянул ему.

– Слушай, а может коньячка махнём. По цвету он мало чем от кофе отличается. Никто не заподозрит. – Ильич открыл портфельчик, отвинтил пробку с бутылки и не заметно, не вытаскивая ее наружу, налил коньяк в прозрачный пластиковый стаканчик, отдал его Мите, а потом наполнил второй. – Только пей не сразу, небольшими глотками.

Они выпили и с аппетитом, набросились на курочку. Через некоторое время Ильич собрался налил по второй, но тут напротив них остановилась полная тетка в шляпке с болонкой на поводке и уставилась на них подозрительным взглядом.

– Что-то хотели, спросить мадам, – вежливо улыбнулся ей Ильич.

– Ни стыда, не совести, – язвительно произнесла тетка и вслед ей злобно твякнула болонка. – Алкаши проклятые.

– Да, вы чего тетенька. Это кофе, – Митя отхлебнул из стаканчика.

– Знаю я, что это за кофе, – Тетка, приняхиваясь вытянула голову. – Подождите, я вот сейчас наряд приведу. Они разберутся, – и она быстро заковыляла вперед по аллее, таща за собой на поводке, упирающую, твякающую собачонку.

– Пошли Митя быстрее отсюда, – Ильич застегнул портфельчик и встал, – Нигде покоя нет от бдительных граждан.

Когда они уже подошли к выходу из сада, Митя оглянулся назад. К скамейке, на которой они только что сидели подошли двое полицейских и тетка с болонкой. Та, покрутив головой, вдруг посмотрела в их сторону и указав рукой, что-то сказала полицейским.

– Похоже Ильич, за нами идет наряд.

Ильич тоже оглянулся. Полицейские быстро приближались к ним. Один из них, что-то говорил в рацию.

– Уходим в елочки, – скомандовал Ильич, сворачивая к проходу на Главную площадь и ускоряя шаг.

Подбежав к прорану, они уже не обращая внимание на прогуливающий здесь народ, пролезли в него и затаились за спасительном ограждением.

– Кажется оторвались, – отдышавшись, произнес Ильич, но в это время, с той стороны раздался чей-то громкий радостный голос: Сюда, сюда, товарищи милиционеры. Они здесь пролезли.

– Что за народ, – нецензурно выругался Ильич, – Бежим. Может среди памятников спрячемся.

Они стали пробираться дальше, ища надежное укрытия и уперлись в стену саркофага, за которым, с другой его стороны, вместо елочек тянулись открытая трибуна для почетных гостей на правительственных парадах. И тут, чуть в отдалении, со стороны откуда они пришли раздался звук ра-

ции: Шестой, шестой я первый. Обыщите там все, но найдите их обязательно.

– Найдем. Никуда они не денутся, – уверенно ответил бабовитый голос.

– Все, Ильич. Кажись того, спалились мы, – обреченно произнес Митя.

– Да не переживай ты. Это мелкое хулиганство. Больше пятнадцати суток не дадут, – подбодрил его Ильич.

– Тебе то, что, отсидишь и выпустят. А меня, без прописки, вышлют обратно в райцентр. Где я там хорошую работу найду, – совсем приуныл Митя.

– Врагу не сдастся наш гордый Варяг. А водка Рассвет нам на что, – Ильич вытащил из внутреннего кармана фляжку и потряс ей, – Тут осталось немного. Должно хватить чтобы исчезнуть, а когда успокоится, вернемся обратно, – Он отвинтил крышку и протянул фляжку Мите. – На, пей. Только один глоток.

Митя, перекрестившись, отхлебнул и вернул фляжку Ильичу. Тот, чуть разболтав содержимое, то же сделал глоток и плеснул немного на стену саркофага. И только он успел убрать фляжку, как все вокруг погрузилось в полную темноту.

– Ильич, проснись, – раздался настойчивый голос Мити. – Где это мы, как ты думаешь?

Ильич открыл глаза. Это было небольшое купе, слабо

освещенное желтым потолочным светильником. Митя сидел напротив, на обшитой красным бархатом мягкой, вагонной полке и отчетливо раздавался монотонный стук железнодорожных колес. Справа, на столике, у окна, плотно закрытого шторами, стояли два пустых стакана в подстаканниках, позвякивающие ложечками в такт колес.

– Похоже мы едем в железнодорожном вагоне. – Ильич протянул руку к окну и не без труда отдернул, достаточно тяжелую штору. За окном была сплошная темнота и только кое-где иногда мелькали редкие огоньки.

– Фу! А я решил, что мы в саркофаге, – облегченно выдохнул Митя. – А куда мы едем?

– Митя, что за дурацкие вопросы, – Ильич похлопал рукой по внутреннему карману пиджака. Фляжка была на месте. – Приедем, узнаем.

В это время в дверь купе тихо постучали, и она плавно отъехала в сторону.

– Пустые стаканчики, с вашего разрешения заберу. – В проеме стоял человек в черном сюртуке проводника с золотыми пуговицами, держа в руках пустой поднос.

– Забирайте, уважаемый, – чуть картавя, голосом вождя ответил Ильич, – А скажите, когда мы уже приедем?

– Совсем немного осталось. Через час поезд прибудет на Курляндский вокзал, – вежливо улыбнулся в ответ проводник, ставя стаканы на поднос. – Может еще что ни будь желаете?

– Скажи, голубчик, а свеженькой газеты у тебя не найдется? – Ильич побарабанил пальцами по столу. – Узнать, что там в мире творится.

– Увы, только трехдневной давности. Нам в Курляндии свежие не поставляют.

– Принеси тогда трехдневную, – утвердительно махнул рукой Ильич, – Время хотя бы скоротаю.

– Одну минуты. – Проводник скрылся в коридоре и скоро вернулся, положив на стол свернутую пополам газету и вышел, закрыв за собой дверь.

Ильич развернул газету и хмыкнув, прочитал вслух название, – Правительственный вестник. Апрель 1917 года.

– Может первоапрельская шутка, – недоверчиво усмехнулся Митя.

Ильич перевернул страницу и стал просматривать заголовки. – Нет, Митя. Не шутка. Похоже мы попали с тобой в такой переплет. Лучше бы нас тогда у саркофага задержали.

Ильич встал и подойдя к двери купе, чуть отодвинул ее, осторожно выглянул наружу.

–Никого, – он, тихо прикрыв дверь, сел на полку и задумчиво подпер голову рукой.

– Чего ты, Ильич приуныл. Через час приедем на этот вокзал. Там как ни будь доберемся до Главной площади. Плеснем водочки и вернемся в наше время. «Полицейских к тому времени уже точно там не будет», – беспечно произнес Митя.

– Вот только мы приедем в другой город, где сейчас по

улицам рыскают агенты охраны и переодетые жандармы, чтобы меня задержать и арестовать. И от которого до нашей стены километров восемьсот будет, – раздраженно ответил Ильич. – Так, что задачка у нас, как выбраться из этой истории, товарищ Митя, архисложная.

В это время поезд начал сбавлять скорость и через некоторое время с лязгом тормозов, остановился. За окном, на фоне ночного неба, можно было разглядеть только слабоосвещенное небольшое здание железнодорожной станции и человека в форменной шинели и фуражке на перроне, держащего в руке помигивающий фонарь. Человек подошел ближе к составу и посмотрев сначала в одну сторону, потом в другую, поднял над головой фонарь. Тут же раздался короткий паровозный гудок и поезд дернувшись, медленно поехал.

– Где это мы находимся, – Митя вытащил из кармана смартфон и поводил пальцем по экрану, – Чего-то навигация не работает здесь.

– Митя, это семнадцатый год. Какая навигация, – постучал пальцем по лбу Ильич, – Спрячь телефон и никому не показывай, а то вляпаемся в историю, как с эквадорскими бананами.

– Понял, – Митя сунул телефон в глубокий карман штанов и в это время в дверь постучались.

– Должно быть снова проводник, – произнес Ильич, сворачивая газету, – Открыто, любезнейший. Заходите.

Дверь отъехала в сторону и в купе вошли двое незнако-

мых мужчин. Один, невысокий, в серой солдатской шинели с зачесанной назад черной гривой волос и такими же черными густыми усами. Второй, полноватый, в гражданской фуражечке и темно-синего цвета пальто, перепоясанного узким ремешком.

– Ну, наконец то, – радостно произнес чернявый с характерным гималайским акцентом и купе наполнилось крепким запахом табака. – Здравствуйте, товарищ Ильич. Мы уже с товарищем Зиновьевым и не знали, что думать. Нас направил центральный комитет встретить вас заранее, до прибытия на Курляндский вокзал и охранять. Два поезда уже прошли. Но нам только номер вагона и купе сообщили.

– Конспирация товарищи. Ничего не поделаешь. Вот, и бородку с усами пришлось сбрить. Присаживайтесь, – Ильич указал на Митину полку, – Знакомьтесь. Это мой секретарь, товарищ Люксембург.

– Кобо, – подозрительно посмотрел на Митю чернявый. – А это, товарищ Зиновьев.

– Доложите товарищи, что за обстановка в городе, – зажав подборок в кулак, с неподдельным интересом спросил Ильич.

– Обстановка напряженная. Все ждут вашего возвращения, товарищ Ильич, – начал докладывать чернявый, – Правительство распускает слухи, что вы завербованы немецкой разведкой и не вернетесь в страну.

– Это, чтобы подорвать доверие революционных масс к

вам и нашей партии, – вставил Зиновьев.

– А если вы вдруг вернетесь из эмиграции, есть секретный приказ министра внутренних дел, ликвидировать вас любым способом, – продолжил чернявый.

– Ликвидировали, ликвидировали, да все никак не ликвидируют, – весело рассмеялся Ильич.

– Товарищ, Ильич, ситуация действительно серьезная, – неодобрительно покачал головой чернявый, – Поэтому центральный комитет разработал следующий план. Сейчас, на привокзальной площади собрались преданные нам вооруженные солдаты, матросы и боевые дружины пролетариата. Вы выйдите к ним и выступите с короткой, обнадеживающей речью, чтобы они увидели, что вождь жив и находится в стране. После чего, переодевшись в рабочего, вы с товарищем Зиновьевым, на время, скроетесь в лесу, за городом, в шалаше. А дальше будем ждать подходящего момента, чтобы призвать народ к революции.

– Подождите, товарищ Кобо. А сегодня, на вокзале, не откладывая в долгий ящик, почему нельзя призвать, – недовольно перебил его Ильич, – Вы же говорите, что все вооружены.

– Увы, товарищ Ильич, – виновато посмотрел на него чернявый, – Силы пока, к сожалению, не равные. На стороне правительства остаются еще достаточно значительные армейские части, которыми командуют царские генералы, но в которых мы активно ведем пропагандистскую работу. Поэто-

му, центральный комитет посчитал резонным не торопиться и перенести временно революцию, до момента, когда наступит полное разложение в их среде. Несколько месяцев, не больше.

– Ну, что же, разумное решение товарищи, – одобрительно покивал Ильич. – Только я бы хотел. Нет, я настаиваю. Забрать в шалаш и товарища Люксембурга. Он ведь тоже подвергается опасности.

– Товарищ, Ильич. Шалашик то совсем маленький, – плаксивым голосом вступился Зиновьев, – Там мы вдвоем с трудом поместимся.

– Ничего страшного. Спать будем по очереди, – категорически возразил Ильич.

– Как скажете, – без настроения согласился товарищ Зиновьев.

В это время в купе постучались и раздался голос проводника: Господа, начинайте готовиться к выходу. Поезд через десять минут прибывает на вокзал.

– Ну, что, мне все понятно. План центрального комитета я одобряю. Начнем собираться, товарищи, – Ильич встал и стал застегивать пиджак.

– Еще, товарищ Ильич. Уточню некоторые детали, – поднялся следом чернявый. – В целях безопасности, передвигаться будете в броневике. И большая просьба. Когда выйдем на площадь, где вас ждут революционные массы, произнесите короткую, пламенную речь. Минуты на три, не больше.

– Мне кажется этого будет маловато, товарищ Кобо. Я ведь все апрельские тезисы назубок знаю. Мне есть, что сказать людям, – и Ильич гордо замер с вытянутой вперед рукой.

– Товарищ, Ильич. Там, среди толпы, наверняка будет много вооруженных агентов охраны, получивших приказ на вашу ликвидацию. Я вас настоятельно прошу, в целях безопасности. Коротко выступили. Еще две минуты даем на овации. Потом прощаетесь. Прыгаете в броневичок, и он вас отвозит на перрон к поезду, на котором вы с товарищем Зиновьевым отъезжаете в шалаш.

– И с товарищем Люксембург, – Ильич перевел руку на Митю.

В это время, раздался лязг тормозов и поезд остановился. Кобо, вытащил из кармана наган и выглянул в коридор: «Все спокойно. Можно выходить».

На перроне, их уже встречала группа вооруженных людей с красными повязками на рукавах во главе с одетым в длинное кожаное пальто человеком в пенсне с чуть загнутым носом и взлохмаченной шевелюрой. Внешним видом он очень походил на орла стервятника. «Ну, наконец-то, дождались», – развел руки для объятия взлохмаченный.

– Товарищ Тоцкий, нам сейчас не до сантиментов, – встал между ними чернявый. – Поезд Ильича, отходит через полчаса. Надо успеть.

– Всегда вы нагнетаете, товарищ Кобо, – с вызовом произнес взлохмаченный, – Не забывайте, что именно я, назначен центральным комитетом здесь главным.

– Товарищи, прекратим дебаты, – хлопнул в ладошу Ильич, – У вас еще будет время разобраться друг с другом. Пойдемте скорее на площадь.

– Зачем ходить, товарищ Ильич. Мы поедим, – Тоцкий взмахнул рукой и из-за угла вокзала, громко тарахтя и выпуская едкие клубы дыма, выехал колесный броневичок с торчащим в разные стороны из двух башенок на верху стволами пулеметов.

– Карета подана, – Тоцкий распахнул небольшую боковую дверцу, когда броневичок остановился напротив них.

Ильич заглянул внутрь. Внизу, в жестком кресле, держась за руль руками в кожаных перчатках сидел солдат-шофер, а сзади него, чуть в стороне стоял в полный рост матрос-пулеметчик перевязанный лентами с патронами.

– Товарищ матрос, – обратился Ильич к пулеметчику, – Сколько здесь еще человек может поместиться?

– Двое, товарищ Ильич, – отдал ему рукой честь матрос.

– Митя, давая залезай, – поманил его рукой Ильич, – Там внизу еще место сидячее есть.

– А это кто, – придержал за руку Митю Тоцкий.

– Это мой новый секретарь, товарищ Люксембург.

– Муж Розы Люксембург? – удивился Троцкий.

– Племянник.

Ильич пропустил Митю вперед, а сам встал, высунув голову во вторую башенку броневичка. – Ну, что мы время теряем. Поехали уже.

– Трогай, – Тоцкий захлопнул дверь и вскочил на подножку. Броневичок выпустил очередную порцию сизого дыма, в сопровождении вооруженных людей с красными повязками медленно покотил по перрону.

Объехав здание вокзала, они выехали на привокзальную площадь и остановились, потому как дальше из-за большого скопления вооруженного народа проехать было невозможно. Тоцкий открыл дверь броневичка:

– Выходите, товарищ Ильич, выступать будете здесь.

Ильич выбрался наружу уже с приклеенными на лицо усами и бородкой. Броневичок тут же обступили плотным кольцом, с ружьями наперевес люди из охраны с красными повязками, а рядом, прямо на брусчатке, поставили, невысокую, метра полтора трибуну, обтянутую красной материей.

– Как же я выступать буду с нее, – Ильич скептически осмотрел трибуну, – Меня же отсюда почти не видно будет с площади.

– Это в целях вашей же безопасности, товарищ Ильич, – начал было объяснять чернявый.

– Нет, товарищ Кобо, – гневно прервал его Ильич, – Это больше на провокацию похоже. Знаете, что. Я выступать буду с крыши броневичка. Охранку бояться, революцию не сделаешь, – и он, встав на подножку, хватаясь руками за ме-

таллические скобы, приваренные к броне, проворно полез наверх.

«Ильич, Ильич», – гулом разнеслось по площади, когда он появился на крыше броневичка.

– Товарищи, – Ильич поднял руку вверх и сразу смолкли все голоса. – Как видите я здесь, с вами. Буду краток. Я вернулся, чтобы довести начатое нами дело до конца. Да, буржуазное правительства пока еще держится, опираясь на жандармские структуры прежнего режима, мелкобуржуазный и несознательный элемент и армейские части остающиеся под командованием царских генералов. Но силы его тают с каждым днем. Все больше солдат и матросов переходят на нашу сторону. И не сомневайтесь, что скоро оно будет свергнуто нами окончательно. Да, здравствует, социалистическая революция! Ура, товарищи! – закончил Ильич и замер с протянутой вперед рукой, под восторженный рев толпы на площади.

В это время люк одной из башенок броневичка чуть приоткрылся и показалась чернявая голова Кобы: Заканчиваем, товарищ Ильич. Через пятнадцать отходит ваш поезд.

Ильич снова поднял вверх руку:

– Товарищи. Мы продолжаем работать в условиях строжайшей конспирации. Но постоянно будем поддерживать связь с вами, через советы солдатских и рабочих депутатов. Ждите выстрела крейсера Авроры. Это будет сигнал к восстанию, – закончил речь Ильич под овации и спустился с

броневичка.

– А про Аврору, что это было, товарищ Ильич? – открывшая перед ним дверь броневичка, с любопытством спросил Тоцкий.

– Придет время, узнаете товарищ Тоцкий, – подмигнул ему Ильич, забираясь внутрь броневичка.

Броневичок грозно зарычал мотором и стал сдавать назад. Место матроса-пулеметчика, теперь занимал товарищ Зиновьев. На нем, вместо синего сюртука, был надет потертый крестьянский зипун и вылинявшая солдатская папаха.

– Наденьте, товарищ Ильич, – Зиновьев протянул ему рабочую фуфайку и картуз. – Теперь вы Иван Константинов, рабочий оружейного завода. Усы, с бородкой не забудьте отклеить.

Через некоторое время броневичок остановился.

– Приехали к шестому пути, товарищ Зиновьев, как приказывали, – доложил шофер броневичка.

– Выходим, -скомандовал тот. – Отсюда наш поезд отходит.

Они вылезли наружу и по металлической лесенке поднялись на платформу.

– Поезда почему-то нет, – с тревогой взглянул на привокзальные часы Зиновьев

– Опаздывает на полчаса. – Произнес проходящий мимо мужчина в шляпе- цилиндре с чемоданом в руке. – Только что объявили по ретранслятору.

– Полчаса, – задумчиво повторил Зиновьев. – Я успею тогда в буфет сбежать. Пирожков каких ни будь купить. С раннего утра ничего не ел. Вы, как товарищи?

– Да, подкрепиться не мешало бы, – согласился Ильич.

– Я быстро. – Обрадовался Зиновьев и побежал по платформе в сторону здания вокзала.

– Ну, ты Ильич могёшь, – уважительно посмотрел на него Митя, – Такую речь задвинул с броневишка. И откуда ты про все это знаешь?

– Митя, – снисходительно улыбнулся Ильич, – Это моя профессия, Ильича изображать. Я этим деньги на жизнь зарабатываю. Пришлось не только все его манеры и речь досконально отрепетировать, но еще и проштудировать главные научные труды. Знаешь какие дотошные туристы иногда на площади попадаются. Особенно из этих, бывших, преданных делу партии и народу. Здесь осечки быть не должно. Да и конкуренция была знаешь какая, когда я пришел на площадь работать. Шесть Ильичей там отирались. А теперь нас двое с Рабиновичем осталось. Да и то, он три дня в неделю теперь работает.

Тут сзади раздался негромкий свист. Они оглянулись. Из-за колоны вышел человек в черном длинном пальто и поманил их рукой.

– Кто это, – испуганно замер Митя. – На тебя очень похож. Может это Рабинович?

– Откуда ему здесь взяться. – Вглядываясь в незнакомца

ответил Ильич, – Ладно, пойдем узнаем, что ему надо.

– Здравствуйте, товарищи, – произнес незнакомец, улыбаясь, с характерной ильичевской картавостью и протянул руку. – Слышал ваше выступление, товарищ. Прекрасная работа.

– Здравствуйте, – немного растерявшись, пожал ему руку Ильич, – А вы как здесь оказались?

– Я вместе с вами приехал, одним и тем же поездом. Только в соседнем вагоне, – чуть посмеиваясь ответил тот. – Мне товарищи по эмиграции, еще Цюрихе предложили отправить вперед себя двойника. Не особо они доверяли, товарищам Тоцкому и особенно Кобо. Была информация, что они связаны с охранкой. Я согласился. Теперь ясно, что это была ложная информация. Как видите, вас не арестовали и не ликвидировали. Но все равно, спасибо за прекрасную работу. Увидел себя со стороны, можно сказать. А речь с броневичка, просто под копирку моей получилась. Только я вот про Аврору не понял. На что вы намекали?

– Выстрел с крейсера Авроры, должен стать сигналом к штурму Дворца правительства, Но это я от себя добавил. Сымпровизировал, – извиняюще ответил Ильич.

– Отличная идея, – незнакомец, схватив двумя руками и потряс руку Ильича, – Обязательно ей воспользуюсь.

В это время раздался паровозный гудок и из-за поворота выпускающая клубы белого дыма показался паровоз, с несколькими прицепными вагонами.

– Так, а куда ушел товарищ Зиновьев? – Незнакомец покрутил головой по сторонам. – Это же наш поезд подходит, на котором мы должны ехать к шалашу.

– Он за пирожками побежал. Сейчас вернется. А вам в таком виде опасно ехать. Переодевайтесь, – Ильич стащил с себя фуфайку и картуз.

– А вы сейчас куда, товарищи? Обрато в Курляндию, – снимая пальто и отдавая его Ильичу, спросил незнакомец.

– Да вот племянник все просит Первую столицу ему показать. Ни разу там не был. Как нам кстати удобнее отсюда добраться?

– Элементарно. Выйдите на Курляндский проспект. Возьмете извозчика, до Квасковского вокзала, там садитесь на поезд и дальше по рельсам тук-тук-тук. – рассмеялся незнакомец, застегивая фуфайку.

– А вон и товарищ Зиновьев появился, – Ильич указал рукой в сторону вокзала откуда вышел, оглядываясь по сторонам Зиновьев.

– Еще раз спасибо, товарищи. Обязательно буду рад с вами встретиться после победы революции, – махнул им рукой незнакомец и повернувшись быстро пошел навстречу товарищу Зиновьеву.

– И нам пора отсюда валить. На надень, а то простудишься, – Ильич протянул Мите пальто. – Пошли.

Они спустились с платформы и перейдя пути, вышли снова на привокзальную площадь. Народу здесь значительно

поубавилось, а оставшиеся, составив винтовки пирамидами грелись возле костров. Слева на площадь выходила широкая улица с красивыми многоэтажных зданиями, на которой вдоль тротуара стояли несколько запряженными лошадьми полуоткрытых кибиток, возле которых прохаживались, помахивая хлыстами извозчики.

– Похоже нам туда, – указал в их сторону Ильич и остановился в нерешительности, – Только вот расплачиваться нам с ними нечем. За наши деньги нас никто не повезет. Где взять деньги, Митя?

– Вот посмотри, может за эти повезут, – Митя протянул Ильичу большой раскрытый портмоне, плотно набитый бумажными ассигнациями.

– Ты чего, кошелек стянул?

– Почему сразу стянул, – с обидой в голосе произнес Митя, – Он в кармане пальто лежал. А пальто тебе хозяин сам подарил.

– Так, – Ильич вытащил ассигнацию номиналом пять рублей и вернул портмоне Мите, – Пусть у тебя лежит. На обратную дорогу теперь нам хватит. Будем считать, это гонораром за мое выступление с броневишка.

В это время из здания вокзала вышли трое мужчин в темных плащах. Двое из них с двух сторон крепко держали под руки третьего, и они направились к стоящему авто с закрытым брезентом верхом. Тот, что был в центре, упирался и явно не хотел идти. «Куда вы меня ведете, товарищи», – чуть

картавя повторял он. Но те не отвечая подвели его к авто и открыв дверь, запихнули с силой в салон. Один из них полез следом, а второй сел на водительское сидение и через мину-ту машина развернулась, выехала на проспект и скрылась из виду.

– Ильич, а тебе не показалось, что тот, кого они увезли, был очень похож на тебя, – почесав голову, спросил Митя.

– Ага. И голосом моим говорил, – покивал Ильич.

– Что это значит?

– А то и значит. Что это был тот самый двойник из Курляндии. Точнее сказать тройник. Но ему не повезло, – сочувственно ответил Ильич. – Зато нас теперь никто искать не будет. И мы можем спокойно прокатиться по городу на извозчике, пройтись по магазинам, и уже потом, пообедав в хорошем ресторане, купить билет на поезд и уехать навсегда из этого города.

Через сутки, их поезд медленно подошел к перрону и остановился. Из открывшейся двери вагона-люкс, вышел проводник в черной униформе и замер, приложив руку к козырьку фуражки. Следом за ним на перрон шагнул Ильич, попыхивая сигарой, в новеньком, серого цвета английском коротком пальто и шляпе-котелке с чуть загнутыми краями.

– Спасибо, любезнейший, – Ильич протянул проводнику ассигнацию.

–Премного благодарен, ваше превосходительство, – по-

клонился тот, сняв фуражку.

– Митя, ну, где ты там, – оглянулся Ильич.

– Иду, иду, – Из вагона, держа перед собой большой светлой кожи чемодан, с трудом вышел Митя и поставив чемодан на землю облегченно, выдохнул, – Тяжелый, однако.

– Не извольте беспокоиться, вам его помогут донести, – любезно произнес проводник и замахав поднятой рукой, крикнул, – Носильщика, носильщика сюда.

Тут же к ним, ловко лавируя между людьми, идущих по перрону, толкая перед собой тележку на колесах, подбежал щуплый дяденька в тубетейке с жидкой татарской бороденкой и легко подхватил чемодан, поставил его на тележку.

Они вышли на привокзальную площадь к дежурившим у пролеток извозчикам.

– Куда поедем, барин, – подошел к ним веселый малый в начищенных до блеска сапогах.

– Куда, куда, – задумался Ильич, – А давай ка голубчик, отвези нас в Метрополь.

– Слушаюсь, – малый сунул чемодан в багажник и помог им забраться в пролетку.

– А чего не к стене сразу, – удивился Митя.

Ильич вытащил из внутреннего кармана портмоне и развернув, показал Мите:

– У нас еще вон сколько денег осталось. Потратить же их надо. Вернемся, они там в простые бумажки превратятся. А здесь мы на них хоть один день проживем по-человечески, как

представители буржуазного класса. Да и Главная площадь там совсем рядом.

Они поселились в трехкомнатном люксе с видом на оперный театр и утром, позавтракав в номере гостиницы, Ильич заказали извозчика и приказал отвезти их в самый большой магазин города. В отделе готового платья он купил себе два дорогих костюма-тройки и большой кожаный саквояж, а Мите, белые лакированные туфли с желтыми носками. Потом они стали обходить этажи магазина, заходя в основном ювелирные отделы, скупая и складывая в саквояж позолоченные портсигары, карманные часы и серебряные статуэтки. Когда саквояж был наполнен до отказа, Ильич остановился перед витриной разглядывая большие, бронзовые каминные часы с двумя пухлыми купидонами, обнимающими циферблат: «Как тебе Митя, эти часики?»

–Ильич, мы почти такие же купили в Северном городе. Они пуда два весят не меньше. Я еле чемодан поднял. И зачем тебе весь этот металлолом, – простонал в ответ Митя.

– Митя, – ласково посмотрел на него Ильич, – Когда мы вернемся, этот, как ты говоришь металлолом, у нас в любом антикварном магазине за большие деньги с удовольствием возьмут. За очень большие, – назидательно закончил он, подняв указательный палец.

– Нет, Ильич, – замотал головой в ответ Митя, ставя саквояж на пол, – Я вторые часы не понесу. И я устал уже от

этого шопинга. Я есть хочу.

– Эх Митя, Митя, нет у тебя коммерческой жилки, – с сожалением произнес Ильич, – Ладно, будь, по-твоему. Бери саквояж, поехали обедать.

– А ведь не плохо вчера погуляли, – Ильич, облачившись в новый костюм стоял перед большим зеркалом в гостиничном номере, разглядывая свое отражение. – Особенно Сандуновские бани мне понравились. В наше время там так уже не парят.

– Не плохо, – без энтузиазма согласился Митя. Он сидел на диване, держась руками за голову, обмотанную влажным полотенцем. Сейчас бы рассольчику огуречного или что ни будь покрепче.

– Увы, денег осталось рассчитаться за гостиницу и на извозчика. – Ильич раскрыл портмоне, доставая две последние ассигнации. – Пора возвращаться. Потерпи. К стене приедем, у меня во фляжке как раз немного осталось.

– Ну, тогда поехали, чего ждать, – оживился Митя и стал надевать на ноги купленные вчера белые туфли с желтыми носками.

Ильич вызвал по телефону портье, который помог им спустить вниз и погрузить чемодан с саквояжем в пролетку. Они, сделав небольшой круг по центру и выехав на Главную площадь, остановились у стены, где предположительно должен был располагаться саркофаг.

– Точно здесь, – радостно произнес Митя, вылезая из пролетки, – Вот как раз напротив этой башенки он и стоял.

– Эх, зря мы вчера вторые часы не купили. Тут нести то всего ничего. Не надорвался бы, – недовольно пробурчал Ильич.

– Зато, погуляли хорошо, – Митя подхватил чемодан с саквояжем и пригибаясь оттащил их ближе к стене. – Ну, что Ильич, наливай!

Ильич достал фляжку и открутил пробку, – Эх, честно Митя и возвращаться не хочется. – Он пролил немного на землю водки и сделав глоток, протянул ее Мити, – Допивай.

– Может повезет, найдем еще Рассвет и вернемся, – Митя запрокинул голову и только успел вылить в себя остатки водки, как небо заволокло тучами, мелькнула яркая молния и после мощного раската грома, хлынул ливень, и все вокруг погрузилось в темноту.

– Кажется того, вернулись, – первым пришел в себя Митя. Они стояли среди елочек рядом с саркофагом. Дождь продолжал идти, но не такой уже сильный и небо просветлело.

– А где чемодан и саквояж, – испуганно воскликнул Ильич, оглядываясь по сторонам. Он пригнулся и приподняв ветку, заглянул под рядом стоящую ёлочку. Потом медленно выпрямился, держа в руке свой потертый портфельчик.

– Ильич, и костюмчик на тебе кажется старенький, а не тот, что купили в семнадцатом году, – подошел к нему Митя, разглядывая пиджачок.

– Все, все пропало, – простонал Ильич. – Мы же на эти деньги, Митя, могли еще недельку в Метрополе пожить. В ресторанах бы каждый день обедали и парились в Сандунах.

– Не все, Ильич. Смотри, – и Митя вытянул вперед ногу в белом лакированном ботинке с желтым носком.

Они сидели на маленькой кухоньке в квартире Ильича. На столе стояла недопитая в Алексеевском саду бутылка коньяка и остатки курицы.

– Странно, – задумчиво произнес Ильич, – Почему у тебя ботинки остались, а у меня все пропало?

– Хочешь, забери их себе, – Митя снял под столом ботинки и пододвинул ногой их Ильичу.

– Носи. Это не мой фасон, – Ильич взял бутылку, налил коньяк в чайные чашки, – Ты знаешь, а мне в семнадцатом году понравилось. До революции, конечно. Ладно. Пожили красиво и хватит. За возвращение на Родину.

Они чокнулись и выпили.

– А я знаешь, что я подумал, – Митя потянулся за куриным крылышком, – Только дай слово, что не обидишься.

– Говори. Не буду.

– Не то ты тогда с броневишка толкнул народным массам. Про революцию эту с Авророй. А мог ведь сказать, что все ребята, завязываем воевать и расходимся по домам. И они бы тебя послушали. Глядишь бы и жили сейчас по-другому.

– Умный ты больно, – огрызнулся Ильич. – Никому еще

не удавалось повернуть колесо истории назад.

– Это потому, что у них водки Рассвет не было, – продолжил с напором Митя. – А у нас была. Такой шанс упустили. Наливай.

Ильич молча, насупившись, разлил по чашкам остатки коньяка.

– Слушай, Ильич, – Митя взял в руку чашку, – А если в магазин, где я грузчиком подрабатываю, снова Рассвет завезут. Согласился бы опять вернуться в семнадцатый и крутануть колесо истории?

– Не знаю, – чуть подумав ответил Ильич. – Вот когда завезут, тогда и поговорим.

– Тогда, за Рассвет, – Митя потянулся чашкой к Ильичу. – Чтобы он обязательно наступил.

Они чокнулись и выпили.

.

—